



Сквер с чугунной оградой в центре Ульяновска. 1947

Фото из альбома «Решетки улиц, бульваров, скверов и садов города Ульяновска» в книге «История Симбирского-Ульяновского края в уникальных документах Государственного архива Ульяновской области», Ульяновск, ГАУО, 2006

В семь часов вечера на Чугунке...

Вскоре после смерти Сталина в наглухо отгороженное «железным занавесом» советское общество стали пробиваться веяния раскрепощенной западной культуры. Запретный плод заманчив с библейских времён, и часть молодежи, жаждущая свободы, потянулась к «свежему ветерку». А идеологические цензоры, у которых, как и у страха, «глаза велики», всполошились и начали борьбу с «моральным разложением», куда были включены и узкие брюки, и просторные пиджаки, и броские галстуки, и даже джазовая музыка. Эта трагикомическая (на нынешний взгляд) борьба имела своих «героев». Борис Улендеев был внутри молодежного стана ульяновцев, увлеченных «неправильной» музыкой, и, по сути, стал летописцем этого яркого явления в жизни нашего города. У меня тогда были другие приоритеты, но я с интересом наблюдал за этой группой. Все вокруг быстро меняется, и теперь так интересно ощутить дух и аромат той своеобразной эпохи. По моей просьбе Борис Александрович записал свои воспоминания.

Лев Нецветаев, почётный архитектор России

Время идет, жернова вертятся – исчезают люди, дома, улицы и названия... Неизменным остается место, ставшее символом молодости. Простое, удобное место, где радостно было встретиться с друзьями, поговорить с людьми, одинаково мыслящими, приобрести ценную для тебя вещь.

Евгений Сергунин



Лето 1969-го в Ульяновске было вполне обычным, жарким и пыльным. В самом центре города, на Гончарова, у чугунной ограды сквера с сиренью, наискосок от магазина «Аквариум» стояли три парня в джинсах и говорили о чём-то своём, не обращая внимания на прохожих. Тогда джинсы – западные штаны из синего денима – были большой редкостью, и прохожие с удивлением смотрели на молодых людей, похожих на иностранцев. А парни, лениво прислонившись к ограде и не обращая ни на кого внимания, говорили о чём-то своём, вроде бы по-русски, но непонятно: Simon & Garfunkel, Uriah Heep, Electric Ladyland, Grand Funk, Deep Purple.

Постояв в стороне и услышав знакомые слова «Битлз» и «Роллингстон», можно было понять, что речь идет о музыке, а иностранные слова – названия групп. Светлый и худой – это Женя. Евгений Сергунин, диктор телецентра, темноволосый и плотный – Слава Фёдоров, студент политехнического института. Третий – пониже, похожий на актёра Чарльза Бронсона – Валерий Лунёв, рабочий автозавода. Иногда к ним подходили знакомые, здоровались, о чём-то договаривались.

Дома у Фёдорова стояла радиолла «Днепр» – большой деревянный лакированный ящик с красивыми ручками и шкалой, на которой были напечатаны частоты и названия городов, и не только советских. Рим,

Будапешт, Берлин... Частоты вещания «Голоса Америки», «Би-Би-Си» все знали наизусть. Слушали новости, политику. На музыкальные передачи собирались поздно вечером: ночью прием был чище.

В 1960-е годы было много событий: студенческие бунты в Париже и Америке, протесты, хиппи... Никсон выводил войска из Вьетнама, беспокойны были Прага, Ирландия, Белфаст, кровь лилась на Даманском, американец Нил Армстронг впервые ступил на Луну. Мир становился другим, и железный занавес между Россией и Западом с ржавым скрипом начал открываться.

В провинции, в дальних городах все менялось медленней, но однажды осенью в Ульяновске, на ул. Карла Маркса, напротив кинотеатра «Пионер», по вечерам в столовой стало работать кафе «Студенческое», организованное обкомом комсомола. Там иногда звучал джаз: проверенный, «правильный», как его называли цензоры, но настоящий западный джаз. Попасть вечером в кафе можно было только по пригласительным билетам, и жизнью на западный манер наслаждались избранные: комсомольский актив, боевая комсомольская дружина, студенты.

Но обычным молодым людям, не активистам, тоже хотелось хоть немного Запада. А он в Ульяновске существовал на Чугунке – так однажды назвала сквер в центре города Зоя, сестра Сергунина.

Музыкальная культура

Время шло, «Би-Би-Си» и «Голос Америки» по-прежнему глушили. Но появились транзисторные приемники – компактные, на батарейках. Спидолу «ВЭФ-202» переделывали на самые короткие волны: 13, 16 и 19 метров – для лучшего приема, без глушилок. Занимался улучшениями свой специалист – Михаил Степаненко. Он любил западную музыку, но на Чугунку не приходил.

Место было удобное: центр, трамвайные остановки, магазины и зеленый сквер. Вечерами здесь собиралось много молодых людей. Стояли, как напоказ, у входа в сквер, садились на чугунную решетку. Это было рекламно: группа молодых парней, одетых ярко и дорого, с гривами волос, и девушки, тоже одетые по-западному, – в самом центре города, родины Ленина. Властям это не нравилось, и комсомольские активисты взяли Чугунку под наблюдение. Однажды комсомольцы задержали на улице и привели в свой штаб Женю Сергунина, провели воспитательную работу, объяснили, что он дурно влияет на молодежь, и... остригли наголо! Но волосы отросли, а «чугунщики» еще раз почувствовали, что власть настроена против них, против музыки, которую они полюбили. От греха подальше ребята переехали на ближнюю скамью в сквере.

Сергунин снова проводил время с приемником на Чугунке. Задержание только добавило ему авторитета. Как-то на Чугунке появился босиком, на манер хиппи, девятиклассник Морис Галимов, произвел этим впечатление, купил диск и был принят. Принимали не всех. Долгое время, пока не повзрослел, вдали на лавке изнывал семиклассник Паша Лохонов.

Что делали? Слушали эфир, говорили о музыке, спорили о новинках, о футболе, менялись магнитофонными катушками. Зимой или в дождь «чугунщики» встречались в «Аквариуме». Этот продовольственный магазин был по-новому просторен, с кофейней в конце зала, и сразу же полюбился ульяновцам. Он не зря получил такое название: вечером, при включенном свете и двигающимися там людьми магазин с улицы был похож на большой аквариум.

В Ульяновск на родину Ленина часто приезжали иностранные туристы. Здесь же учились летчики из Азии и Африки, Венгрии, Болгарии, ГДР. И некоторые местные отвязные ребята занялись фарцовкой: покупали у иностранцев жвачку и сигареты



Валерий Фирсов и Евгений Сергунин. 1 мая 2017 года

блоками, джинсы, майки, одежду. В разных укромных местах, подворотнях, часто поздно вечером происходила тайная торговля с «фирмой» – так на Чугунке называли иностранцев. Можно было купить или заказать жвачку, фирменные сигареты. Стоило это дорого, но было престижно. Обычно жвачку отламывали, жевали ее несколько дней, аккуратно завернув в обертку. От человека пахло заграницей, «фирмой» – он становился своим. Лучшей и самой дорогой жвачкой был вкусный и ароматный «Дональд Дак».

Все делалось осторожно, с оглядкой. Часто на Чугунке только договаривались, а сама продажа проходила в другом, нейтральном месте, без свидетелей.

Все «чугунщики», понятно, имели магнитофоны. Так сложилось, что центром распространения музыки в Ульяновске стало Засвияжье, где жили два друга: Валерий Фирсов и Анатолий Терентьев. Они были не просто фанатами западной музыки – она стала для них смыслом жизни. Конечно, они и сами играли – в школьном ансамбле, который организовали в своей 33-й школе. Через школьного учителя они познакомились с Иваном Холодовым, выпускником той же школы, студентом Ленинградского политехнического института. Иван сам любил западную музыку и привозил в Ульяновск катушки и даже диски – фирменные, настоящие, запечатанные в целлофан (в Ленинград привозили на заказ студенты из стран социалистического лагеря, Африки, Азии). Когда Холодов приезжал домой, это был праздник для Фирсова и Терентьева. Часто ночами на кухне у Холодова переписывались диски и катушки. Все это стоило немалых денег, но музыка, которую нетерпеливо ждали, попадала в Ульяновск. Перезаписи продавались, покупались, снова копировались, звук становился все

хуже, но из всех окон в городе звучали «Битлз», «Роллингстон» и Высоцкий. Первый фирменный диск от Холодова в Ульяновске был – «Beatlesforsale», потом «RubberSoul». Цены на диски начинались с 80 рублей. Зарплата инженера была 120 рублей, минимальная зарплата по стране – 60 рублей.

Иметь дома магнитофон, записи групп стало привычно. А если у тебя было еще несколько фирменных дисков, то на Чугунке ты становился уважаемым человеком.

Все хотели новую музыку, еще и еще, и некоторые предприимчивые парни собирали надоевшие заигранные диски и везли в Москву, на обмен, и зарабатывали на этом. Купить и поменять диски можно было у знакомых москвичей, а также у магазина «Мелодия» на Калининском или у знаменитой комиссионки на Садовом кольце. Это было довольно опасно: там среди любителей музыки дежурили «кидалы», они были в створе с милиционерами в штатском. Кто-то предлагал тебе новый запечатанный диск недорого, ты, обрадовавшись, расплачивался, и тут к тебе подходил человек с удостоверением и, обвинив в спекуляции, изымал диск. Через пять минут его снова продавал тот же продавец.

Новая музыка доставалась не просто. Так же было и с джинсами, одеждой. В Ульяновске одежду можно было купить у фарцовщиков. В гостиницах, где проживали иностранцы, дежурили комсомольские активисты, они старались задержать с уликами. Когда ребята попадались, сигналы шли на работу или в институт. Но бывало и по-другому.

Как-то большая группа итальянцев заселилась в «Венец». Фарцовщик Боря, он же Мишель (для иностранцев), на виду у дежуривших около гостиницы комсомольцев договорился с туристами о сделке и назначил время встречи на вечер. И вот после

ужина из ресторана вышла яркая толпа итальянцев с большими фирменными пакетами с одеждой. Тут же в стороне стояли комсомольцы из бригады «Гость», готовые задержать фарцовщика после сделки. Все вместе, не торопясь, направились на Венец. Остановились у ограды. Итальянцы толпой окружили Мишеля, закрыв его от севших на лавку активистов, и, заговорщически улыбаясь, показали фирменный товар. Мишель расплатился, взял пакеты и попросил итальянцев задержаться. Повернулся в сторону кустов за оградой на склоне и спросил негромко: «Костя, ты здесь?» Кусты отозвались, и Мишель, размахнувшись, бросил туда пакеты. Послышался топот бегущего вниз Кости с пакетами. Итальянцы дружно засмеялись. Мишель распрощался с ними и спокойно прошел мимо ничего не понявших активистов.

«Чугунщики» уезжали, женились, некоторые подолгу не приходили. Лунёв появлялся вечером. Фёдоров приходил редко. Но каждый вечер, а то и днем на Чугунке был Женя Сергунин. За ним закрепилось звание «начальник Чугуна». Женя пользовался непреложным авторитетом и притягивал к себе. Всегда аккуратно одетый в фирму, пахнущий ароматом зарубежной жвачки, он мог предложить диски, поговорить о музыке.

Евгений Сергунин
и Борис Улендеев. 2017



Старожилы Чугунки

Зимой стояли недолго, обычно в «Аквариуме», а летом компания часто засиживалась на Чугунке с приемником за полночь. Это был клуб неформально организованный, а настоящий, по интересам. Их так и называли в прессе: неформалы. Чугун становился все более популярным, у скамьи всем уже не хватало места. Первые «чугунщики» стали взрослыми мужчинами, выглядели солидней и смотрели на новичков хмуро. Новые ребята быстро организовались в свою компанию, где было место и западной музыке, и выпивке. Новички нашли себе другое место для сборов и назвали его «Лукич». Это была скамья в густом, заросшем (в то время) сквере с памятником Карлу Марксу у площади Ленина. Под «Лукичом» подразумевался памятник Карлу Марксу. Тогда он стоял лицом на север, а скамейка для сборов ребят была в глубине, за его спиной. Место было на отшибе, и вечером никто из чужих здесь не появлялся.

В 1983 году первым секретарем обкома был назначен Геннадий Колбин. За три года он много сделал для города: были приняты решения по строительству университета и нового моста через Волгу. Но улица Гончарова Колбину не понравилась, и, вопреки просьбам граждан и краеведов сохранить чугунные ажурные решетки, их начали убирать, а заодно и сирень с липами, и длинные чугунные лавки. Потом Колбин уехал – снос приостановился, но в 2000 году снесли и оставшуюся ограду в центре, чугунку. Улица стала открытой и безликой, сквер потерял уют.

«Чугунщики» переехали в сквер наискосок, с памятником Гончарову, бывший сквер «Три пионера». Тогда это было уютное место, с большими кустами сирени и цветами в форме круга. Теперь ребята договари-

вались о встрече не на Чугунке, а на Ватрушке – так они называли сквер. К этому времени многое изменилось. У «чугунщиков» уже были свои семьи, дети. Многие уехали в другие города, кто-то – за границу. В 1990-е фарцовка стала неинтересна: исчез дефицит. Все привозили челночники, и магазины были полны фирменной или похожей на фирменную одеждой. Кто-то устроился в новой жизни, кто-то растерянно прозябал. Начальник Чугунки Сергунин появлялся только на праздники и поминки друзей: целыми днями он носил на продажу пакеты с китайской мелочевкой и очень уставал. Валера Лунёв стал ремонтировать и рихтовать машины – он был отличным мастером. Однажды Валерий купил старую разбитую машину «Жигули», долго ее восстанавливал, а когда закончил, напился в ней, закурил, и машина сгорела. Валера торчал в бильярдной на подхвате, пил фанфурики и в 61 год скончался. Слава Фёдоров вышел на пенсию, увлекся рыбалкой и... в 60 лет неожиданно умер. Ушел из жизни Олег Ивонин – замечательный гитарист. Ивана Холодова не стало в сентябре 2013 года...

В 2011 году к 200-летию Гончарова сквер закрыли на реставрацию, и «чугунщики» временно вернулись на старое место. А когда ремонт закончился, оказалось, что сквер пострижен наголо, в форме квадрата. Прежнего уюта уже не было: ни кустов, ни длинной чугунной скамьи. Квадрат – так стали называть это место.

Жернова крутятся, время идет, и страна уже давно не строит коммунизм. А на Чугунке – на Квадрате – все так же встречаются в семь часов вечера. Чугун продолжается. Он другой, но в наших сердцах он прежний.

Борис Улендеев
Фото из архива автора